

Б

О

Д

И

Т

ПИСЬМО ДЛЯ БЕЛЕТРИСТИКИ И НАУКИ.

Ч. 4. и 5.

Львовъ, 1. Мая

1867.

Сумною вѣстью дѣлимся съ дорогими родимцами:

ЮАХИМЪ ХОМИНСКІЙ,

п. к. прав. Совѣтникъ и директоръ полиціи въ отставцѣ, старѣйшина института ставропигійскаго, членъ другихъ народныхъ заведеній, защитникъ литературныхъ движеній, отецъ бѣдной русской молодежи,

упокоившися по тяжкой недугѣ 27. Априля въ 71 год. своеи для насть неоцѣненной жизни.

ВѢЧНАЯ ПАМЯТЬ!

УПАВШІЙ АНГЕЛЬ.

Повѣсть

Волод. Стебельскаго.

(Продолжение)

Ассо побѣлѣвъ.

„Беръ! Беръ! Якая мара пригнала тебе тутъ? Що хочешъ отъ мене? — Беръ! я ничо не маю, ничо — хибанъ душу — возьми ю, душу возьми —“

Але Беръ не прійшовъ по душу Асса.

„Лиши мене! Чуешь, ничо. Ничо не добудешъ — крайная руина! Лиши мене, Беръ зловѣщій! лиши Асса твого. Чого стоишь? Иди!“ голосивъ нашъ фанфаронъ съ патосомъ довжника, и вергся страстно до одного изъ прійшовшихъ, и трясъ нимъ, ажъ самъ запѣнился.

Але Беръ стоявъ нѣмо, студено.

Физіономія того Бера ажъ переймае. Впрочому найдете ю, где лишь люде жіютъ. Жовтій,

запавші лиця, черезъ которыи не пробьется сердце. Тамъ сердця нема. Очи моторні, палачіи, въ которыи горнется ино одна поганая жажды. Тамъ другихъ бажаній нема. На сихъ лицахъ и зрѣницахъ осѣла зимна сатанская иронія. Се иронія жида-космополита. Иронія жида, що зо слезъ сиротъ и зъ буйности очайдушъ нагромадивъ золото. Иронія космополита, котрого не вяже отчина, дружба и гадка, котрого отчиною и другомъ и гадкою — грѣшъ.

Ассо, онъ вергся за виромъ свѣта съ молодою душою, а коли разбився храмъ той душки, онъ задивився на хороши очи и на синій лиця и на прелестній груди, онъ съ горячою жаждою тисся до нихъ, але для очей и для лицъ и для грудей треба було золота, а золота Ассо не мавъ, и такъ помѣгъ Беръ, и жидъ стоявъ побѣчъ Асса съ золотомъ своимъ . . .

Ассо, онъ съ недугою скучки вертавъ зъ омраченого полъ-свѣта, а коли скуча го жерла, онъ найшовъ другобѣ череду, онъ съ другами ишовъ до пиробѣ и шампановѣ и гулянокъ, але для пиробѣ и шампановѣ и гулянокъ треба було золота. а золота Ассо не мавъ, и такъ помѣгъ Беръ, и жидъ стоявъ побѣчъ Асса съ золотомъ своимъ . . .

Загибло якъ сонъ!

„Беръ! Я не маю грошей — не маю еще — пожди еще — пожди еще мѣсяцъ! —“ говоривъ Ассо розлучно.

„Я не по гроши прійшовъ —“ отвѣтивъ жидъ.

Ассо затрясся.

„Не по гроши? — —

„Такъ —“

„Не по гроши? Гура Беръ, гура до смерти!

ти! —“ заголосивъ Ассо майже не своею грудью.

„Такъ, не по гроши —“

„Беръ! Товаришъ мой дорогій! —“ продовжавъ щоголь солодко, обнявши сухорялого жида.

Жидъ подивився на довжника окомъ своимъ и фімої иронії.

„Такъ що же, голубчику? —“

„Великій дѣла —“

„Великій! —“ замѣтивъ пріїшовшій съ Беромъ.

Ассо привітавъ свого другого гостя, о котрому забувъ, и зареготовався.

Товаришъ Бера отлигався черевомъ великимъ, особеною плястики, и носомъ довгимъ, амарантного цвѣта. Тота плястика була видітися причиною, що ноги не конечно крѣпко стояли, а зъ того амаранта роздалася така воня, що ажъ собака отъ задура задрѣмала.

„Францъ Шнацъ, родомъ зъ Галиції —“ почавъ другъ Бера, але не змѣгъ бѣльше добути.

„Отже — заговоривъ жидъ — дѣлаємо въ імені народа мадярського. Якъ знаєте, розпалилася революція въ кождой сторонѣ нашого краю, Дѣла идутъ хорошо. Розженемо нѣмецкій колонії —“

„Прочь! —“ рѣшивъ ляконично Шнацъ, родомъ зъ Галиції.

„Розженемо нѣмецкій колонії зъ нашої землі, для будущого царства мадярського. Але ворогъ не спить. Громадится нѣмецкая сила широкою хмарою. Отже мы довжній теперъ дѣлати, дѣлати жарко, бо иначе святое дѣло освобождення народного пропаде —“

Дивно звучали слова жида-фактора.

„На тое дѣло иде много міліоновъ отъ нашихъ пановъ“ — продовжавъ Беръ, а очи шарлятана на згадку о міліонахъ ажъ засіяли.

„Дуже много —“ перебивъ знова товаришъ Бера.

„И такъ, коли толькож краинъ уже погибло въ борбахъ, коли народъ дожидає величного дня, отже —“

„Отже —“ довергъ Шнацъ.

„Вы не откажете своєї помочи для на-

рода, а пойдете съ народомъ на вороговъ, пойдете боротися за права его —“

„Конецъ —“ довергъ еще Шнацъ.

Факторъ мадярскихъ патріотівъ не звертавъ ока отъ Асса. Але зъ того проворного ока говоритьъ щось тайного, щось крайно самолюбного: здається інакшя гадка на днѣ души того чоловѣка.

Ассо, днѣ колись бувъ патріотомъ! — Онъ псаломомъ молодої любови витавъ генія свого народа, горячо обнимавъ землю могиль, на котрой totъ геній сѣдавъ — але мѣсто псаломовъ любови учувъ Ассо музику, що таки рве за собою, палить, роздирає, учувъ музику страсти, мѣсто святої землі могиль обнявъ Ассо жменю останківъ духа юности своєї...

І Ассо задумався. Передъ нимъ факторъ съ ледомъ нестертої іронії, і товаришъ его съ лицемъ пяної глупости. За нимъ — о за нимъ цѣлая трагедія паденья!

„Отже кинься съ роздертою грудью своєю — говорила добрая душа Асса — кинься въ борбу и борбою обвинься, поки не трѣсне душа и не ляжешъ на поли и кровью не задавишъ чорную картину грѣховъ!“

„Лишися — казала злая душа — лишися тутъ, где може єще розсвѣтиться гараздъ. Може єще на груди твоєї Талії найдешъ радости тихої жизни и рай пропавшій найдешъ!“

„О не лишайся тутъ, где хмарно для тебе! Иди за голосомъ народа, иди въ огонь пожаровъ и въ крові брдъ иди, и гинь середъ огня и крові яко герой народа! Тамъ на гроба днѣ обоймутъ тя любовно духи батьковъ, тамъ огорнешся світою міра, и забудешъ себе, Ассачоловѣка забудешъ!“

„Але Талія, Талія —“

„О тебе уже не двигнутъ и сині очі ангела!“

„Талія! —“ заговоривъ тихо Беръ и втопивъ очи Мефиста въ очи блѣдого Асса.

(Л. б.)

Супрунъ.

Розказъ по народній пѣсні.

I.

„Коня — коня!“ кричить Супрунъ. — И уже батьковъ сабля брящить ему въ боку. Передъ

нимъ стоять женщина, и плаче и ломить руки.

„Чого-же ъхати? Нема чого?

„Нема чого? Не чуешъ, якъ оть Буджаку Бисурманъ вые: Алла, алла!“

„Мой милый! що тобъ? послухай но — на свѣтѣ такъ нѣмо, ничего не чути, совсѣмъ ничего — останься — пожди еще.

„Менъ ждати и дождатися, менъ чути и до-
чутися, якъ тутъ на моемъ подвѣрью татарская
собачня загомонитъ по собачому — о нѣть, нѣть!“

„Богъ съ тобою! посмотри по степъ, нигде —
нигде не видно пожара, о ворогу ни вѣсти — чо-
го-же ъхати?“

„Знаешъ невѣсто, що, якъ скоро стражничій
знакъ пожара долетитъ до ока гонцемъ, то такъ
скоро татарскій тоголубъ досадитъ тутъ бахма-
тами. Чи все намъ ждати, щобъ ворогъ бѣгъ къ
намъ въ гости? чи уже намъ не пора и до него
загостити — за пожары вѣщуны загостити до него
съ саблями!“

„Еслибъ еще була така воля сойма, короля —
„Невѣсто, чого думати тобъ о соймѣ — соймѣ

некай соймую, намъ не соймовати; король, така его
воля, никому не боронить, гонитися за ворогомъ.

„Кошовий негодуе —

„Бо старый, доки бувъ еще молодъ, то при-
казовавъ, а теперъ только призовляє.

„Чого-же ъхати — никто зъ дому не гонить —

„Моя воля — моя воля гонить мене.

„Останься, останься!

„Уже пора — не чуешъ, якъ ржитъ вороний?

„А не чуешъ, якій плачь тамъ?

„Прощай ми, прощай!

II.

Була сама одна — не плаче, а только чоло обни-
мае долонями — становъ тьла припала до колінь,
якъ высока лодыга, коли бурю почуе, хилится, хи-
лить, поки еще не поразить ю вихоръ; рясницею
прислонила очи, такіи очи, якіи може мати только
самъ ангель, коли во всей своей любови взирае на
Бога. — О такъ, она не изъ того свѣта, вѣрю
Богъ пославъ ю, щобы прелестю и любовю ма-
нити людей до неба. — Чародѣйницю пославъ
свѣту къ щастю и нещастю. Супрунъ вергся
до неї, дикій якъ чортъ, коли намѣряе зловити
ангелскаго духа. Думае еще, еще крѣпить свою

дикость, щобъ не датись обезоружити отчарованью
ангела — перегравка чортовая тиснеть ему до-
устъ. Сноглянула чародѣйница, — и слова замерли
на губахъ Супруна. Роздумуе, якъ снѣгъ весны
топится.

Сплела руки, тисне до свого лона, держить
сердце, а такъ любовно смотрѣть на него, що зъ
его груди добувся стонъ, стонъ загибающей думы,
и уже кричить — мое рамя — мое житѣе — про
отчину, про короля — а моя душа — мое серд-
це — про тебе — про тебе!

Она любить его.

Еще одно слово — еще одна минута, и
у него уже небулобъ ни своеї воли, ни своеї ду-
мы, ни доброго, ни злого, все — все кинувбы подъ
ноги чародѣйницъ, и просивбы и моливбы, щобъ
приняла, и благодаривбы, що приняла.

Еще одна минута, — однакже тамъ, тамъ
подъ окнами заржали кони и перегравка молодцѣвъ
спѣвае дико. —

„Къ намъ, къ намъ, Супрунѣ! уже пора!

„Уже пора! застогнавъ Супрунъ.

„Уже пора! запепотъли губки чародѣйницъ —
неплаче — тутиль чоло въ долони — и высилит-
ся на мертвый усмѣхъ.

— Уже пора! —

III.

Помежи Низомъ Днѣпровымъ а Буджакомъ, въ
пустой степи, тамъ есть полоса еще пустышої
степи, накопленая могилами — хотя тамъ на ней
буйная трава не росте, чабуры на выпасы череды
тамъ не гонять, гуляшій табунъ самопасомъ неза-
бжитъ. И дикому звѣрови нема леговища въ той
степи и коли мимобѣжитъ, то такъ летить, а по
всѣмъ сторонамъ обзирается, хотя никто его и не-
гонить. — На могилахъ бѣлють кости, но на нихъ
боится орель присѣти и червъ тамъ не гнѣздится,
то лиманъ воинної степи.

На тѣмъ лиманѣ, надъ могилами безъ числа,
владѣє Саворъ-Могила, днемъ бѣлье кости, мовы
покрытая грубымъ киромъ снѣгу, ночью сіяє о-
гнемъ. Она свѣтило воинному народу, при ней и
сходбина и борба неперемѣннїй.

IV.

Собравъ Супрунъ славное войско Запорожья
и пойшовъ къ Саворъ-Могилѣ. Колись то живъ онъ

тою славою такъ, що турявъ о ней во снѣ и наявъ, и не думавъ о ничомъ больше, а теперъ проклинає славу. Еще только вороній и остатокъ козачої думы, ведуть его къ сей славѣ. — Вороній конь ступає широкою стопою, ни доломъ ни поперецъ никто не иде мимо, въ дали маячитъ лиманъ могиль — молодцъ уже видять, уже зглядомъ и сердцями клонятъ передъ нимъ на поклоны и колпаки и списы:

Слава Богу нашъ Тетмане,
Слава Богу нашъ Лимане!

Супрунъ на Лиманъ и не смотритъ, ему передъ очами чародѣйница!

Посмотритъ въ лево, чародѣйница и тамъ, — така пригожа, такъ любовно глядить, чоло тулитъ въ долони и смѣется такъ жалостно, що радбы плакати — Супрунъ рукою хотѣвъ зъимати чародѣйницю — пуста мара — нема еи — шумитъ только на воздуху.

„Уже пора, уже пора!

V.

Зъ ночи вѣйшли молодцъ на воинный Лиманъ и станули таборомъ; була то субота, въ навечерье Святого Михаила.

На Саворъ-Могилъ сіяє уже огонь, запаленъ нечоловѣчою рукою; по всемъ могильнику горюють меньшіи огни.

По всемъ Лиманъ такій шумъ, якобы вѣтеръ однозвучно и безпрестанно бучаны чесавъ, а тому шуму второвало глухое стогнанье земли. — Духи то христіанськіі моляться до серебряного арганхела, захитника славного Запорожья и всего козачого рицарства. Бисурманскіі духи стогнають въ навечерье святого Вожла Божихъ силъ ангелскихъ.

Молодцъ моляться и Супрунъ молится, однакъ самъ не знае, якую онъ молитву отправляє. Чародѣйница — мара, все при немъ, сплела руки и смотрить въ него. — Супрунъ устромивъ въ ню свой взоръ. Уже не молится, уже о ничомъ не думає. Въ радугу своеї любови смотритъ — любить а любить. —

Такъ перестояли всю ночь.

VI.

Свѣтае. Супрунъ всю ночь ока не зажмуриявъ а сорвавшися гей проснувшись изъ крѣпкого сна; рука

понеслась къ привѣтowi дня архангелскаго крестомъ святымъ, и мѣсто знамени креста упала на рукоятку сабли.

„Сѣдайте на коня, на коня молодцъ! пойдемо въ походъ, уже пора!“ Супрунъ уже на кони.

Одинъ изъ стариковъ Запорожья зближився.

„Пане ватажко, днесъ нашего архангела, — еще не по службѣ Божої.

Вороній потрясся, загулявъ.

Бурая хмара неслася небомъ отъ Саворъ-Могилы.

„Ой чи не чуєте, панове молодцѣ, якъ тамъ играє въ сей хмарѣ — то для нась перегравка архангелская — для нась — буде пригода — уже пора!

И на перекоръ хмарѣ — пойшли походомъ къ Саворъ-Могилѣ.

VII.

Чого боялися, сталося. За Саворъ-Могилою, стала орда. Якъ саранча покладами, такъ она межи могилами покрыла степъ лимана, въ большомъ полу-крузѣ — по воинному обычай.

Вороній заржавъ, и Супрунъ по-пережному загулявъ окомъ.

Старикъ Запорожецъ еще разъ отозвався: „Сама пора службы Божої —“ Супрунъ не чувъ; онъ въ першій разъ за житѣмъ гадками просився вороного.

„О ты мой вороній! вынеси же мене молодого изъ твої баталії со славою и житѣмъ. Слава про ню, — житѣ про ню — може Богъ умилосердится.

До Бога молився про чародѣйницю.

Славное Запорожье въ полукругъ — и орда въ полукругъ заводить — вправо, вльво молнями тягнуть, тіі гадини віючися, збройній тысячами тѣдоковъ.

Кто дальше а дальше!

Люде мовчатъ, кони играютъ копытами а земля стогне.

Татарство мовъ изъ земли родится — сунутъ а сунутъ зъ бучановъ. Запорожью недостатокъ въ людяхъ — уже орда зъ обохъ боковъ бере Запорожье въ обнятѧ.

Супрунъ саблею ударивъ въ колпакъ. Слава Богу — на перебой — еще пойде наша горою! Татарство „Аллахъ, аллахъ!“ завыло.

Обнятье было насильное, усердное, воинное, то обнятье воинныхъ людей, поцѣлуй то смерти.

Запорожье палить, съче, коле, то въ бурянь Татарство громадится на вѣчный супокой, то геть, прочь розгнанье по степи, якъ полохливъ сумаки.

Уже за перебоемъ — но тамъ суне другій полукругъ, садить рысью новыи казаны — заводить Аллаховымъ крикомъ. —

Супрунъ саблею подразнивъ вороного.

— Еще разъ буде наша, Богу слава!

Вороній нагнувся, шуснувъ, щупакомъ скочивъ въ толпу орды, въ бучанахъ и клубахъ тумана пропавъ, молодцямъ щезъ изъ вида.

На степовомъ Лиманѣ буря войны, воздухъ стономъ и гомономъ голосить въ дальшую даль, якъ звонокъ Киевской Лавры. Земля розпадается подъ топаньемъ копыть, а курява возносится до неба, въ самое небо, и бѣлого дня не видко и Саворъ-могилы не видко.

Такъ святися день серебряного Архангела.

VIII.

Показалося слѣдующого дnia, что збулось ми-
нувшого. Много трупа, людей и коней, много ран-
ныхъ, — по степи скакаютъ еще розсыпавшияся
наездники, глядятъ своихъ, и въ ясырѣ козаковъ не
мало.

Вороній конь Супруна уже по степи не загу-
ляе, довольно ему, довольно, на честномъ могиль-
нику залягае безъ духа, дослужився славы, ви-
хоръ сполоче его, вылеститъ, а отъ его костей по-
бѣлье лиманъ воинный.

Супрунъ завидуе вороному, такъ загибати бу-
лобъ лучше, все булобъ пропало, а такъ теперь —

Въ ясырѣ у Бисурмановъ нема слезы въ жаль
по вороному, нема слезы по славному Запорожью,
нема, нема слезы по ничомъ, а есть и туга, есть
и слеза про чародѣйницю.

IX.

Пише Супрунъ дробныи листы до пана кошового.

„Полководче ты мой! Товаришу ты мой! про-
дай за безцѣнъ, даромъ мое добро, все що лишь
есть у мене, и выкупи, вызволи мене молодого зъ
ясыра.

Хотѣвъ писати до невѣсты, и не написавъ.

Панъ кошовый якъ неотвѣчае, такъ неотвѣчае, а
Гань, собачая вѣва, допоминается Супруновои головы.

„Дармо, дармо, коли ты хотѣвъ жити Супрунѣ,
треба было не влезити въ тото лихо, гарача нема,
голову отдать, пуста твоя надѣя.

Голосъ собачои вѣры, отвѣтъ пана кошового
возбудили гордость, давную Супрунову любиму.

„Собако, невѣро! не было у мене надѣи ни
на кого, только на коня вороного, що вынесе мене
молодого зъ баталіи, козацкую славу, съ честью
воинскою.

Бери що есть твоего, бери житѣ, якъ я живѣ,
такъ умру за отчину, за вѣру.

У Супруна на ногахъ на рукахъ брящать
кайданы а онъ до Бисурмана заговорюе:

„Або мене выведѣть, або мене вынесѣть на
Саворъ-Могилу, нехай еще зъ-ѣтси на свѣтъ по-
смотрю, зъ-ѣтси, где марно загину!

X.

На Саворъ-Могилѣ станувъ Супрунъ. Не разъ
то зъ-ѣтси онъ потопавъ взоръ въ степовомъ ли-
манѣ, считавъ Бисурмановъ, на побѣду, на славу.
для себе, и теперь въ кайданахъ смотрить къ ма-
тери — отчинѣ, здохнувъ, споглядае на Запорожье,
тамъ надѣ долиною лѣтає сивый голубъ, тамъ въ
долинѣ славное войско Запорожья, якъ макъ цвите,
уже ему не бути съ нимъ, — невѣста тамъ, и плачъ
зъ-ѣтси, тужно ему на сердци, но гордость озаряе
еще чоло.

Уже мечъ по-надѣ шію вився, коли чародѣй-
ница знова станула передъ окомъ. На Супруна
смотреть такъ любовно якъ давнѣйше, однакъ уже
не высилится на усмѣхъ, слеза плыне по лицу, роз-
плела руки и простирае къ нему. Супрунъ рукою
хотѣвъ поднести — кайданы забрящали — мечъ
заблісъ а изъ головы — слеза — перша слеза
спала изъ Супрунового ока.

То для неи! —

(Переводъ).

Т У Г А.

„О чого ты зъ дня до ночи
Ажъ розходишся въ журбѣ?
Стамя Галю! сині очи
Выжре горенъко тобѣ...
Стамя Галю! черезъ сонъ
Я зачула жаль и стонъ —
Цить дѣвчино! спи въ спокою —
Звѣзда впала за тобою.“
„Ночь высоко... я вже снила.

Снівся сиза! Мирко твой —
Снівся Мирко и могила
И помершихъ сто лѣтъ.
Снівся мой тяженькій жаль!
А въ-округъ дрѣмала даль,
И весна въ-округъ дрѣмала,
А весною я вмерала —
Въ грбъ зеленый ангель ночи
Нѣсь мене — се похоронь!
Круки цили сині очи,
Соколь рвавъ изъ сердца стонъ,
Крукъ зг҃нницю ми не стеръ,
Соколь душу не раздеръ —
Крды сокола и ворона
Я побачила Мирона...
Бувъ хорошій якъ зорниця,
А очами ажъ паливъ...
А я була блѣдолиця —
Онъ мене еще любивъ!
— Стамя Галю! тамки грбъ,
Тамки смерть — и Миронъ зг҃ибъ,
И со стономъ за Мирономъ
Я ходила грбомъ... . . .

„Що ти Галю? мого сына
Вже нема, о вже нема!
Гдесъ пожерла го зѣрнина,
Або стисла лютъ-зима...
Мой одичникъ въ полі спитъ,
Тамъ никто не засадить
На могильѣ дробній цвѣты...
Горко же ми лашеной жити! —
Страшно чути горя голось,
Горко нести боль нудьги!
Подивися! срѣбреный волосъ,
Жовтій лиця изъ туги...
Тожъ про Бога не ридай!
Ахъ бо где дѣвочій рай?
Где веснонка розбуяла,
Щось ей ще не зазнада?“

„Слухай сиза! рай — могила,
А могильный цвѣтъ — весна
Може чаръ бысъ заварила,
Я дуръ-зѣрня бы найшла,
Я свою дала бы кровъ —
Чи суть чары на любовь?
Чи его крѣзъ боры, боры
Тутъ прикличутъ праговоры?“

„Що ты Галю? Богъ съ тобою!
За зорою ангель твой...
А хотай ты сиротою,
Ты моя въ душѣ моей!
Лишь не плачь и не тужи —
Щастя-доми стережи!
Бо иначе цвѣтъ зовяне —
Гдѣжъ тогдѣ старая гляне?“

„Ночь зорява . . . я не дома.
Сиза мати! охъ прощай:
Батько кликне гршне грома:
Где ты ходишъ на пролай?
Чи домашній шляхъ загибъ?
— Я на пеньки ходжу грбъ.
Якъ на грбъ змюю цвѣты,

Бѣгну тутки потужити . . .
Свѣтъ зорї . . . я дрѣмала.
Я бы вѣчно сніла тутъ —
Тутъ-бы Галя изливала
На твою люблячу грудъ
Боль розлуки, сердця жаль,
И молила-бы синю даль, кшто онъ окнѧтоцъ лгоци
Най ти верне сына твого, глохощен же ехъ
Най ми верне дорожого!“ —

Руслян.

МАРІЯ.

(Записки лѣкаря).

Сильно бивъ дощъ о стрѣхи и брукъ Львова; було се въ половинѣ марта 1827. Я дожидавъ въ комнатахъ неодного хорого, але хорій не явилися. Несомнѣнно немавъ и найбѣльшій пацієнтъ отваги, пуститися совзюю дорогою, щоби не пострадати останкѣвъ дотлѣваючого здоровъ. Я початковавъ, а тверда кора привычки еще не прилягла сердце мое; я еще змѣгъ съ людми чувствовати и страдати. — Твердость, якую досвѣдъ все за собою несе, не заперла доси душу мою для гадокъ людяности; и такъ думавъ я самотою, поднесши очи до небесъ, зѣ-бѣтки дощъ ручаями зливався, надъ несилою науки противъ страданій тѣла и духа.

Въ громадцѣ моихъ пацієнтбвъ находився и одинъ бѣдакъ муляръ, который що-дня рано скро- фуличную дитину приносивъ, а котрого жена теперъ на енілесцію запала. Я щиро чувствовавъ надъ тою нещастною родиною. „Визита у неї ничего больше не стоить, якъ що вѣзъ трохи дальше поїде,“ думавъ я, и рѣшився заглянути въ сумное жилище тихої болѣзни. Вѣзъ уже готовився, а дощъ ишовъ крѣпше якъ доси, коли въ комнатахъ вступила молодая болѣше-менше 20-лѣтная дама, на котрои лици чертався великий неспокой, а зѣ котрой рухомъ заключати можъ на житѣ въ высшихъ сферахъ. Она була гибкая, гнукая; въ ходѣ лежало богато прелести, а черезъ одежду черталася гарна фигура.

„Хочу Васъ только короткій часъ задержати, докторе,“ казала она до мене, „коли бачу, що отдалитися намѣряете.“

„Ізвольте сѣдати.“
Іване, розпали огонь! — Вы цѣлкомъ про- зябли; трохи вина покрѣпитъ Васъ; приближѣтесь до огня, та поговоримо часину, хотий освѣдчити мушу, що днесъ кожда хвиля менѣ дорогая.“

„Не заберу Вамъ много дорожихъ хвиль, най ино загрѣю ноги. — Не приходжу за-для себе, а лишъ за-для любимої подруги, о котрої состоянью бажаю посовѣтоватися. Она недужна; она боїтися чи не опибаються що-дени здоровъ якъ, и пише ми

зъ села о пораду якого здѣбного лѣкаря. Надѣюся, скажете ми истинну."

"Не бачивши недужнои, дуже тяжко. Найлучшій лѣкарь може въ тѣмъ слушаю свои уваги только за догадки подати."

"Такъ я Вамъ розкажу всяки подробности, бо знаю хорошую точно, и лишилъ ю недавно."

"Хорошо, слухаю уважно."

Я сѣвъ передъ нею, кидаючи на зигарокъ однинъ изъ сихъ взоровъ, которыи такъ часто случаются у лѣкаря и адвоката.

"Особа, о которой бесѣдую, пане докторе, старшая отъ мене о немнога лѣтъ, такъ до 30 досагає. Сильная новая болѣзнь разрушила еи здоровье. Она дѣйстно дуже страдає."

"Вашу подругу завели несомнѣнно гдекоторый надѣи, что дорогими були. Здається, отгадаю: Болѣзни сердца може?"

"Майже отгадалиste. Дѣйстно стояла моя подруга въ нѣжнѣй, дуже честнѣй звязи. — Она має одружитися; многіи перепоны, которыи тяжко було побѣдити, перепиняли рѣшенье надѣї. Однакъ що говорю? Тота исторія девгая, а я не хочу Вамъ заберати часъ трогаючи, але романтичною повѣстю. — Моя бѣдная подруга боїтся, чи не запала въ сухотную болѣзнь. — Теперь тяженѣкій ударъ крайно погорщивъ еи состояннє."

Я передже вставъ и оперся о муръ, держачи въ руцѣ зигарокъ въ ожиданнѣ, що почую одну изъ сихъ исторій недуги, которыми молодыи дамы лѣкарямъ такъ часто наскучаютъ. Але при словѣ "ударъ" почавъ я вѣрити въ якуюсь тайну мистерію; я усѣвъ знова. Вирочомъ дивовався я надъ великимъ замѣшаннемъ молодои дамы. Не було звязи въ повѣсти еи, ачувство, съ которымъ о недужнои говорила, було для подруги за нѣжне и глубоке.

"Що-за ударъ?" звѣдався я.

"Паденье, послия котрого осoba, о которой бесѣдую, на бруку лежати остала. И такъ перейшло колесо ей черезъ груди, а часъ якій держано ю за мертвую."

"Чи ребра богато утериѣли?"

"Нѣтъ, але она дуже страдала."

"А болѣзни въ грудехъ суть?"

"Суть, по правой сторонѣ."

"А горячку має?"

"Має, особенно въ ночи."

"А кашель?"

"Такожъ."

"Отъ-коли?"

"Видится, отъ года по вѣнчанью."

"По вѣнчанью?"

Она забула, що о подрузѣ сказала, яко не мо-

гла по желанню своему одружитися. Въ той хвили окрасила глубокая червень блѣдній лица еи.

"Я промовилася, и хотѣла сказати: отъ года по порѣ, коли звѣнчалися мала."

"Якій-же тотъ кашель? Чи сухій? Чи часто заходить?"

"Зъ начала не дуже тяжкій —"

Я бачивъ, що дама больше блѣднѣла, и подозрѣннѣ шибло моєю головою, якъ дыскавиця не бомъ.

"Говорѣть отверто. Чи не Вы самій тою по другою? Вамъ дѣйстно слабо. Кажеть-же правду."

Она дрожала на цѣломъ тѣлѣ. Она бажала не спокой закрыти, и проговорила щось безъ звязи.

"Еслибысте знали, якъ мене еи состояннє болитъ, якъ я боюся за ню! — Ахъ, пане докторе, такъ рѣдкая честнота! — А сли Вамъ, еще скажу, якъ дуже ю люблю!"

"Утихомирїтесь; розказуйте точно, вехай себѣ, которая Васъ такъ обходить, дѣйстно поможу. Ино отваги!"

"Ахъ, пане докторе!" почала она знова, дрожачимъ голосомъ, "скажеть ми отверто, що думаете. Чи маєте єще надѣю? Чи нѣтъ уже средствъ?"

Всѣ признаки, которыи навелистѣ, суть важкіи и опасній."

"И такъ нема уже надѣї?" промовила она такътихо, що ледва зрозумѣти можъ.

"На тое не можу отвѣтити, не бачивши недужнои, не говоривши съ нею, и не звѣдавши о многіи дробнї рѣчи. Безперечно має она уже лѣкаря?"

"Мала — безперечно!"

Неспокой незнакомои продовжався, а я припісавъ єго принуць, которую надѣлають собѣ люде доброго характера, если неправду сказати приходиться.

"Чи не въ состояннє хорая, подорожовати въ Італію або середнюю Францію? Се найлучшій сувѣтъ для неї."

"Боюся, що въ несостояннію."

"А родина не може для неї ничего здѣлати?"

"Родина ничо, совсѣмъ ничо не зробить для еи спасення."

Она при сихъ словахъ дрожала сильно; она хотѣла зъ крѣсла поднести, але упала знова, и со слезами сказала: "Виджу, мы погибли. Мы погибли! О бѣдный мой мужъ! Отже все пропало, нема надѣї!"

Страстно вергалася она, а по горячихъ конвульсіяхъ запердися очи; она зомлѣла. Я познався теперъ на невиннѣмъ подступѣ, котрого ужила, щобъ звѣдатися точно о состояннію свого мужа.

Та зъ хаты, — я до нихъ они мене
Штуркиули въ груди — отже якъ!
Крый Боже, доси дядочку болитъ.
Они еи поволокли изъ хаты;
А я за ними, кланяюсь, прошу ихъ:
Змилуйтесь, кажу, панове добрѣ,
Не поробѣтъ нещастного мене!
Не мучте матеръ бѣдную... Просивъ,
Просивъ, просивъ, — они ни побсловечка.
Я все за ними иду, та все прохаю.
Одинъ менѣ и каже; иди ты къ злидню!
Псяюха, твоя мати, русска сука,
Издохне зъ голоду въ лѣху у панскому!
Та якъ схвативъ мене, та й кинувъ геть.
А мати — бѣльше ю уже й не бачивъ!
П. Сестра моя, беззасница!!
О. Ой дядочку; дайтежъ менѣ пораду!
Що жъ тутъ менѣ вже на свѣтѣ робитъ?
П. Яку тебѣ пораду дамъ, небоже?
Хиба съ тобою плакати та терпѣти?
О Боже нашъ! на що такъ прогнѣвався
На насъ! — Молися Богу, Опанасе!
Где чоловѣкъ не въ силѣ помочи,
Тамъ треба помочи отъ Бога ждати.
О. (плач) Що буде съ матерью! Охъ лихо! лихо!
Ч. Чогожъ голосишъ такъ? Чого навчишъ,
Дѣвчачимъ голоскомъ — О соромъ! — Хлопецъ!
Козакъ!.. Мала дитина такъ не буде
За матерью ревѣть, якъ ты, ломака!
П. Послухай, чоловѣче: се уперше
Побачилися мы. Я еще й не знаю,
Отки ты, и що такое. Ты удався
Менѣ такимъ и пріязннымъ и добрымъ
И я признавъ за нашого тебе.
Теперь не знаю... Будь ты, чимъ еси;
Только, коли кто вѣруе у Бога,
Той уважає за великий грѣхъ,
Зъ чужого лиха глумовати. Ты чужій,
Тебе никто не тисне и не мучитъ; [ныхъ]
Идижъ, будь ласкавъ, прочь отъ насъ беззасницъ!
И не глузуй надъ бѣдностью, бо есть
Такій на небѣ, що той глуздъ почуе.
Ч. Тебе бо, дядьку, лихо зъ глузду збило!
(Опанасови)
Жѣнкамъ та дѣтямъ можна квасить губы,
А не такому гайдуку, якъ ты,
Такіи слезы чи поможутъ лиху?
Чи вернутъ тебѣ матерь? Се вже справдѣ
Переродились наши русскіи...
Просить ляхѣвъ, до нѣгъ имъ припадати,
Дорогу злодѣямъ слезами гладить??
Не слезы помочь въ лѣсъ, а желѣзо!—
П. О що бо ты се кажешъ, чоловѣче!
Ну хочъ бы где-якъ би на те пойшовъ,
И съ матерью нещастною що-бѣсталось?

Ч. Та вамъ ще не такого лиха треба!
Нещастья — бо вы стоите сего!

СЦЕНА III.

Анастазій (съ плащеницею; за нимъ народъ).

Ан. На що, кажу, вы бѣжите за мною!
Грѣхъ дармо лихо накликати на себе.
Гей братья, розбѣйтесь, розступнѣтесь...
Подумають, що чвару затяли.
Кажу вамъ, розбѣйтесь: выничого
Туть помочи не вѣдете, собѣ
Пено только зъ дурницѣ вчините.
Нар. Якъ можно! Якъ се можно! плащеницю
Святую! Якъ! Жидѣвскими руками?
Мы гроши заплатили; мы насилино
Закажемъ, що-бѣ молитись нась пустили!!
Ан. Святое дѣло, боронити вѣру
Родину и законъ свѣтій. Во которій
Те уроблюютъ, тѣ предъ вѣчнымъ Богомъ
Велику честь и славу залучають.
И вы бѣ такъ добре, дѣти, учинили,
Бо кто безъ всякой помочи иде
На смерть, хочъ будь оно й за праве дѣло,
Той душу и вѣкъ свѣтій загубляе дурно,
И самъ собѣ погибелъ заподѣє.
От-такъ, бачъ, вамъ; що зроите ваша жменя?
И васъ повяжутъ и побьють, и другимъ
Наробите ще горя: дозиратись
И бѣльшъ втиснати станутъ; и тогдѣ
Не те, що бѣ Богъ принявъ усердье ваше,
А ще за тихъ, кого въ напасть введете
Предъ Богомъ отповѣтъ дасте. За кого
Отъ-се вы поднялися? За мене?
Та я отъ сего умываю руки!
Коли вже Богъ священника Свого
Не ратовавъ, що жъ вы заходились?
За церковь, за Христа? — Господь небесный,
Коли бѣ ему було угодно тое,
Безъ вашої помочи ихъ покаравъ бы:
Огненній рѣки низпустивъ бы Онъ
На вороговъ Своихъ, коли бѣ схотѣвъ.
Богъ милосердный. Его милосердью
Конца нема. Онъ вороговъ Своихъ
Прощає и милує. И смертній грѣхъ
Занапашати душу дурно. Отступнѣтесь.
Я боронить святую церковь мушу,
Бо я еи слуга. Най потягнутъ
Мене въ темницю, най катують, мучать:
Не першій мученикъ отъ нихъ я буду;
А вы ідѣть собѣ, мрѣтесь Богу,
Терпѣть, и плачте, зновъ таки молїтесь
И зновъ терпѣть, бо й Богъ терпѣвъ Нашъ.
Отъ дикъ святый; и съ нимъ я умерати

Готуюсь; именемъ Его! — идѣте!
Чого жъ вы ще хиляетесь — розбідѣтся.
По истиннѣ скажу вамъ: кто не пойде,
Той буде супротивникъ Богу й церкви.

Нар. Та якъ же мы тебе покинемъ?

A. Кто вамъ сказалъ, что я
Боюся смерти? — Нѣ. За вѣру вмерти,
Моя потреба перша. Вамъ же, дѣти,
Не подобаете погибати. — Дѣти!
Прощу васъ, будьте ласкавы, уважте
Менѣ, священнiku своему! — Ради Христа
И Матери Его пречистой, й святыхъ,
Ради велико-дня, що наступае —
Идѣтьже дѣти!... Що вы стоите?
Идѣть же! — той проклятъ, кто зъ васъ посмѣе,
Не слухати моего глагола.

(народъ починае разходитися)
Добре!

Скажу вамъ: добре, — сто разбѣ скажу
Неначе камень зпавъ зъ души у мене!
Теперь я весело пойду на смерть, —
Благословитъ васъ Богъ, отецъ небесный!
Молѣтся, дѣти! Онъ, отецъ нашъ милый,
Змиуется надъ дѣтьми.

Нар. Скажи, будь ласкавъ, що се за новина?
Дивлюсь и слухаю, й не втявъничого.
Звонили къ службѣ; панъ-отецъ съ народомъ
На ринку опинились! — Чи нова
Пеня настигла?

A. Не дуже то й нова.
Зберавъ бувъ грошей я, и заплативъ
Жиду Авраму за святую службу,
Съ умовою такою, що бъ сегодня
И завтра не було запрета. Онъ
Отдавъ ключи; ударили у звонъ;
Избѣгся людъ; а службу бувъ почавъ,
И такъ якъ то законъ повелївае,
Христовій страсти споминать сегодня,
Взявъ плащеницю зъ олтаря й несу...
За плащеницю треба ще окремо
Платити. Я сему й кажу: змиуйся,
Я вже отдавъ тобѣ. Чого жъ ты пнешся?
Ты ворогъ Божій, жидъ — не слѣдъ тобѣ
Ходить сюды, якъ служитса. А онъ
Схвативъ изъ рукъ у мене плащеницю
Й давай еи и рвати та трепати...
Народъ не стерпївъ, збивъ его имъ изъ ногъ.
Онъ закричавъ, побѣгъ изъ церкви, й прямо
До старосты — жалѣтися на насъ.

СЦЕНА IV.

Зацвиліховскій живнярами и жидъ Авраамъ
прибѣгаютъ.

3. А ось-где онъ, мурмило довгогривый!

A. Такъ, онъ, вельможный пане! Онъ розбійникъ!
Онъ бунтовникъ! — Се утекати хотѣвъ!

3. Не утече, кабанъ. Гей, хлопцѣ, швидше!
Гей, оступѣть лишенъ его саблями!
Ось мы ему дамо, якъ утекати!

Ан. Не думавъ я й не думаю втекати.

A. Нѣ, нѣ... Вельможный пане, нѣ! — Онъ бреше.

Ан. Языкъ жидовскій бреше. — Що вы привели
На одного цѣлу ватагу?

3. Въ тюрму тебе узяти, вражій русскій.

Ан. Возьмѣть. — Коли бы вы малу дитину
Прислали, взяти мене, я все бъ сказалъ:
Возьмѣть!

3. Ахъ, дьяволове русске сердце!
И не змѣнивъ въ лиці.

Ан. Чого жъ змѣняти?

Вы думаете, страха завдали,
Якъ васть сюды ватага приплелася:
А що казавъ Христосъ намъ, якъ жиды
Прійшли по него? — Легіоны бъ цѣлій
Небесныхъ ангеловъ явились зъ разу,
Коли-бъ я захотѣвъ. — Тимъ я скажу вамъ
Що противъ вашего желѣза въ мене
Есть оборона й помочь сторазъ крѣпша.
Пять словъ сказать, и где-бъ взялася помочь,
И вся бъ ватага ваша порозбѣгалася.

3. А що онъ каже се — сей хлопъ-шизматикъ?

Ан. Те я кажу, що лиший отсї саблѣ;
Они бъ менѣ ничего не зробили,
Коли бъ я самъ не покоривъ.

3. Мовчи.

Ан. Мовчатиму.

3. (Авраамови). Кажи ты, що онъ дѣявъ?

A. А якъ, пане! Чвару піднимавъ!

И справдѣ чвару. — Заплативъ онъ гроши
За службу... Але въ нихъ есть полотенце,
Що на сей день розстелють середъ церкви,
Та поспѣвають трохи, та усѣ
И лѣзутъ цѣловати. Онъ же грошей
Не давъ за се, та ухопивъ, та й хоче
Нести посередъ церкви розблєсти...
И я стою биля порога й бачу...
И только онъ на голову напавъ —
А я у церковь — гроши, кажу, гроши! —
А сучій пінъ не то що бъ покоритись —
Ще лаятися, а людъ увесъ на мене —
Та такъ що трохи не забили пане,
Отъ справдѣ, пане, трохи не забили!

Ан. Ты, брешешъ жиду!

O. Нѣ то онъ все бреше;

А я такъ отъ-такъ правду говорю!

Онъ зъ церкви вкравъ его; спытайте лишъ!

3. Укравъ? — А? — А? (Анаст. мовчить)
Мовчить, такъ корится? Ну где-жъ сховавъ?
Кажи, где дѣвъ полотенце? — Кажи!

(бъе его по юцу)

A. (надставляє щоку) Бій и друге.

З. (бъе)

Чужестр. (подходитъ)

Стревайте. Чи не грѣхъ се таки вамъ
Такъ изнущатись? За що вы бѣтеся?
Мерзенному юнду, бачъ, захотѣлось
Поглумовати зъ християнина! Ты Аврамъ,
Чи якъ тебе зовуть, юдѣвска пика!
Сколько тобѣ за плащеницю грошей?

A. Та вже дасте, хотя десятокъ золотыхъ.

Ч. (кидае ему гроши) Возьми хоть двадцать, су-
[чай сынъ, падлюка,

Та и заберайся и къ чортамъ у пекло.

A. Щѣ лается. (тихо). Такъ справдѣ двадцять зо-

З. Що ты за чоловѣкъ! [лотыхъ.]

Ч. Я прохожалы.

З. Се гарно. Гей сюды лишь хлонцъ!

Возьмѣть лишенъ отъ-сего бурлака!

Ч. За що?

З. За те, що ты менѣ здаешся бѣгомъ.

Якъ подивитись на тебе, такъ только
Тобѣ ити по дворахъ, шматковъ прохати;
Сльпини, кривини, обдертии изъ одежи —
А гроши якъ полову розсышае.

Ч. (подходитъ и показуе ему тихо щось похоже
[на листъ паперу.]

Не комезись. Гляди...

А завтра самъ до старости пойду,
Погано глядите вы своихъ русскихъ.

Идѣть собѣ, а я до нихъ пристану.

З. А, добре, знаю. Розстунѣться хлонцъ!

(до Анаст.) Иди собѣ хармаркати у церковь
Надъ полотенцемъ, якъ казавъ Аврамъ.

(Авраму) А ты юдѣвска пика, щобъ не смѣвъ
Ты цѣлый тыжденъ докучати намъ,
Бо гроши отдали тобѣ усѣ.

A. Твоя въ семъ воля, мой вельможный пане!

Якъ бы не се, та тое вамъ известно...

Велику пошлину за откупъ правлять,
Ще только попрохавъ бы васъ щось пане, —
Бачъ, завтра въ нихъ ажъ дважды съ хоругвами
Крестъ церкви ходятъ —

Такъ щобъ еще за хоругви що-небудь.

Ч. А сколько?

З. Якъ юдѣвская утроба!!

Ч. Стреван, отъ мы дамо тобѣ! — Гей хлонцъ!

A. Охъ паночку! — онъ лишечко! — простѣть!...
Змилуйтесь — не буду, — я не буду...

З. Гляди, не дуже...

A. Нѣ я такъ... ничего...

И справдѣ такъ... ничего... и ничего...

З. Якъ бѣсовъ юндъ злякався!

(Тихо Чужестранцеви) добре, добре. —

(ушли)

[сломъ]

A. Що ты нѣ есь, чи съ добростю, чи съ замы-
Ты добре дѣло намъ зробивъ. Спасеть
Тебе Господь! — Теперъ кто хоче, люде —
Зберайтесь. Ходѣмъ молитись Богу.

(Народъ зberается.)

СЦЕНА V.

Герцикъ съ товпою хлонцѣвъ.

G. Нѣ, братья, нѣ — се вже хотъ, якъ такъ нѣ!
Терпѣтъ сли хотите, я жъ... спасибогъ!
Хотя и пропаду, нехай же знае
И биъ, якъ зацепати мене.

P. Що биъ? [бишъ крикомъ?]

Одинъ зъ хлонцѣвъ. Послухай брате, що ты зро-
Почують...

G. Що? ты думаешьъ, що я
Такій, якъ вы? — Нѣ, братя знайте те,
Що батько мой полковникъ бувъ.
Онъ бѣсовъ, що хиба? Та же, я бачу,
Онъ думае, що теперъ, якъ вже Лисенка
Нема, такъ биъ, що хоче, то и робить!
Нѣ, друже, стбѣ! — Ще я живый — здоровый.
На твою голову.

Где-кто зъ народа. Що, и тобѣ погано?

G. О трястъя имъ! Погано? Отъ! — Та имъ
Ще поганѣше буде. (оглядяется кругомъ)
А тутъ богато васъ! Та все знакомї
Усѣ колись були намъ пріятелъ.
Ото лиха година! Преже якъ часто
Бувало бачились, якъ ще покойникъ
Отецъ живый бувъ, а теперъ забули.

Одинъ зъ хл. Нѣ, пане. Вже за кого, а за тебе
Головами рѣднѣйшій наложимъ!

G. Вы знаете, кто я?

Другій зъ хл. Панъ Герцикъ.

G. Мой батько вмеръ за васъ, якъ и съ покойнымъ
Лисенкомъ вы хотѣли подниматись,
Умеръ за всѣхъ въ мукахъ, въ тортурахъ...
Не показавши ни на кого, все
Принявъ на себе — вы жъ мене забули!

Одинъ зъ народа. Его отецъ бувъ добрый чоловѣкъ.

Другій. Спасена душа!

Одинъ зъ хл. Нѣ, пане, не забули. Що ты хочешъ,
У всемъ тобѣ раднѣйши послужити!

G. Якого вы ще лиха не терпѣли?

Ще якъ, хиба, зъ ворогъ не глумився?
Псу лучше честь, якъ кождому изъ васъ!
Чого жъ ждете вы?

A. Божои ласки.

G. Богъ бачить наши бѣды. Богъ намъ буде
Помочникомъ. Послухайте лишь, братъ:

Вы терпите усѣ, а я нехочу.
Изъ васъ глумятся; вы имъ покорній; —
Я не такій! мене не зацепай...
Послухайте лишь, товариши. Вчера
И мене зобидѣвъ староста проклятый:
Отнявъ у мене заручену дѣвку,
Лисенкову сестру, мою любиму,
Отнявъ и держитъ въ себе мѣстъ паплюги.
Я бувъ хотѣвъ до себе на весѣля
Васъ звати посля святъ; а биѣ укравъ,
Вхвативъ еи якъ вовкъ ягнѧ до себе.

(Д. б.)

Два братья.

(Дальше).

Гей кобы тата проклята хустина наразъ перемѣнилася въ ростбратель русской семинаріи!

Мои товариши — числомъ три, якъ мои руки пересвѣдчились — мовчали яко грѣбъ, где я здавався бути умершимъ.

Ѣзда тревала довго, ужасно довго, нетерпливость моя начислила уже незнати кѣлько, коли наразъ вѣзъ задержався. Легонько поднесено мене, легонько поведено горѣ якимися сходами и легонько отворено двери передомною. Тутъ зняли зъ рукъ моихъ вязи, и — замераючай отъ жажды не откоркуе скорпие фляшку съ водою, якъ я шію свою! Мигомъ обернувшись я, щобъ посѣнацъ лично познати, але они уже щезли — я линъ чувъ, якъ въ двернѣмъ замку ключъ обертаўся — пропало, я въ пльни!

Грома проклятье вергъ я за зрадниками, въ злости и завзятью хотѣвъ я — — такъ що-же хотѣвъ я? Пукнути зо смѣха и знова на смерть засердитися; але почавши обглядати тюрму, отходивъ я зъ изѣумленья. Я привитався съ знакомою хорошою комнатою, съ рудницами и прочими стрѣлецкими снарядами, я зачувшъ разговоръ собакъ на обѣистью, и зареготався такъ сильно, что м旤 антиподъ певно збудився. Але въ кутѣ мої тюрмы ктось реготався со мною сердечно. Дивлюся — ажъ, о чудо! м旤 братчикъ, м旤 Юрій довгій и сухій, сидить собѣ въ фотелю — що-за несподѣванка!

„Такъ познай визита, дорогій брате?“ заговоривъ Юрій съ досадою.

„Такъ, туживъ я за тобою, Юрцю,“ отвѣчаю.
„Однакожъ думаю, не много собѣ закидати будемо.
Ты вѣроятно подѣбною екстра-почтою тутъ прибувъ и зъ подѣбного намѣренья; только одно менѣ дивно, именно, що — —“

„А такъ, дивно.“ перебивъ Юрій. „Отъ поль часа сиджу уже тутъ, думаю чи о фатальнѣмъ слушаю.“

„Пожди, Гайдукевичъ!“ думавъ я собѣ.

Хвиля мовчанья.

Зъза дверей вызирае голова Гайдукевича. Кидаемся оба до дверей, а втягнувши злѣсного на-сильно межи себе, кричимо гей зъ одного рота:
„Що се за шутка? Розтовкуйте!“

„Того-самого отъ васъ жадаю,“ каже Гайду-кевичъ. „Вертаючи зъ лѣса, чую въ комнать гомонъ, похожій на концертъ чортѣвъ. Видитеся, олгалисте мене оба, и оба запалисте въ сѣти. Добре вамъ! чого шутите зъ статочного чоловѣка?“

„Не ругайтесь“ отвѣчаю „а розважаѣть загадку цѣлон исторії.“

„Цѣлая исторія“ каже Гайдукевичъ „ясна.“ Въ два дни по тому, коли я приставъ до Вашихъ намѣреній, приходитъ братъ Вашъ и оповѣдае ми подѣбную шутку. Однакожъ не м旤 биѣ розказъ свой докончiti, бо надлѣсничій перепинивъ нашъ разговоръ. Думаючи, що вашій намѣренїи однакіи, не отказалася я, и сказавъ еще при прашанью до брата: „Отже двадцятого?“ — Се нынѣшня днина, которую опредѣлилисте.“

Ажъ теперъ стало ми ясно, и я проклинаю въ душѣ фатального надлѣсничичого.

„Словѣдайтесь теперъ передо мною, мои паничи“ продовжавъ Гайдукевичъ „мене падитъ жажда, довѣдатися, зъ якихъ поводовъ цѣлая комедія розвилася.“

Щиро зложивъ я сознанье грѣховъ своихъ, а охочій Гайдукевичъ смѣявся сердечно.

„Браво! я буду вашимъ посередникомъ. Днесъ переношуete тутъ, а завтра —“

Але мы не пристали на предложеніе пана злѣсного, а забралися назадъ до села, ступаючи нѣмо побѣчъ себе.

(К. б.)

О степахъ и пущахъ.

(Продовженіе)

Коли про те одну сторону нашей земли ма-емо за бѣльне вожку, якъ другу; то роздививши въ нынѣшнѣмъ состоянью рѣчей, можъ розвязати загадку, зъ-ѣтки такая нерѣвность походитъ. Объясненіе такихъ появъ въ природѣ физикъ не по-требуе уберати въ ризы митѣвъ геологии. Ему не конче предполагати, що на прастарой нашей земли розоряючая борба стихій не въ однѣмъ часѣ утихомирилась на полуширѣ восточномъ и западномъ; або що изъ хаотичної повѣни познѣйше якъ про-чини части свѣта, добулася на явъ Америка, сей о-стровъ ужами и крокодилями заселеный.

Справдѣ має южна Америка по виду своихъ чертъ и направленію береговъ примѣтне подобье до югозападного побоштрова старинного суходола.

Але внутренне зложение почвы и расположение до масъ краинъ сомежныхъ, причиняе въ Африцѣ тую дивную засуху, которая на незмѣримой простираніи перешкоджае развитию житья органичнаго. Чотыри пятинъ южной Америки лежать тогобочь отъ рѣвноденника, отже на полукули, которая зада для своеи обильности водъ и для иныхъ рѣжныхъ причинъ, есть холоднѣйшою и бѣльше вохкою, якъ напи сѣверная полукуля. А сей послѣдной принадлежть власне значѣйшая часть Африки.

Степы южно-американскіи, або Льяносы мають, мѣрячи отъ востока на западъ, разлогость три разы меншую, якъ пущи африканскіи. На Льяносы подуваютъ поворотниковыи вѣтры морскіи; пущи же африканскіи, положеніи на тѣмъ самбомъ крузѣ широкости, що и Аравія чи южная Перзія, дотыкаютъ версты воздуха що вѣютъ по надъ скварнѣ суходолы. Та-жъ и почтенный Геродотъ, сей отецъ исторіи, довгій часъ запознаный, задивляючися высшимъ поглядомъ на природу, дуже вдатно сказавъ, що всѣ пущи въ сѣверной Африцѣ, въ Иеменѣ, Керманѣ и Мекранѣ (Гедрозіи Грековъ) а навѣть до Мультанъ въ Гиндостанѣ уважати-бъ яко велике море пѣсане въ однѣ звязи.

До того вліянія горячихъ вѣтровъ поземельныхъ въ Африцѣ, сколько знаемо, еще и тое причиняется, що нема тамъ ни великихъ рѣкъ, ни лѣсовъ, пару водянную вызѣвающихъ, черезъ що воздухъ холоднѣвбы, ани такожъ высокихъ горъ. Отвѣчнымъ ледомъ есть лише западная часть Атляса покрыта, котрого узкѣ ярмо гористе зъ боку зре-те выдавалося въ давныхъ часахъ прибережными морскими стоянами воздушными, подпераючими синій зводъ неба. Къ востоку пасмо его протягается ажъ по Дакуль, где лежало славне мѣсто Карфагенъ, колись царствуюче надъ морями, нынѣ розорене и разрыте. Довгій той ланцъ побережный, мовъ передмуръ краю гетульского задержуе холоднїй сѣвернїй вѣтры а заразомъ и вызѣви, подносячія въ гору изъ моря середземного.

Перше думано, що пасмо горъ мѣсячныхъ Джебель-аль-Комръ высше надъ нижню границю снѣговъ. Розказано такожъ басиѣ, що оно творить рѣвнолягле ярмо межи африканскимъ Квито, высоко положеною рѣнниою Габетъ и жерелами Сенегала. Навѣть Кордильера Люпата, що тягнется вздовжъ побережья Мозамбiku и Монопопаны, подобно якъ ланцъ Андovъ на западномъ побережью Перу есть покрыта отвѣчнымъ ледомъ въ краинахъ золотомъ богатыхъ Мухинга и Маканга. Але тѣ горы обильнї жерелами далеко отдаленій отъ огромнои пущи, которая протягнулася отъ снохи-лостей южныхъ Атляса, ажъ до рѣки Нигеръ, на востокъ плывучои.

Всѣ ти причины засухи и тепла, за котрї мы згадали, таки може-бъ не стали, замѣнити такъ огромную простираніе африканскихъ рѣнинъ на страшное пѣсаное море, якби загальне яке забуреніе природы, и. пр. втисненіе и залитье океана, не знесло колись изъ той плоскои краини ростинного еи покрытия и жизненнаго чернозему. Коли се проявилось и що причинило наливъ водъ океана на сухій край — тос передъ нами засланяе темная мрака правѣкѣвъ. Можетъ се наслѣдкомъ того великого пруда, гонячого теплѣйши воды мексиканскіи по мѣли Новои Финдляндіи къ старому суходолу, съ которыми орѣхи кокосовї западно-индійскіи и інніи овочи теплѣвщины достаются до береговъ Ірландіи и Норвегіи. Еще и нынѣ, рамя того морскаго пруда закермоване отъ Азаровъ на юговостокъ, вдаряе о пѣсковї холмы на поморью западной Африки и нещастіемъ навѣдае моряковъ. Такожъ видно на всѣхъ побережьяхъ морскихъ (тутъ згадаю за побережье перувянське, межи Амотане и Коквимбо), що согнѣ аможе и тысячи лѣтъ пройдуть, поки зибкій пѣсокъ въ горячихъ поясахъ земли, — где дощи не падаютъ и ни лѣцидеи, ни другіи якіи лишайцѣ не ростуть, успѣе приспособити безпечную почву для корѣней зѣлья.

Тыи уваги достаточнї пояснити, для чого Африка и Америка мимо виѣшнаго подобья видовъ указуютъ всѣлякіи отношенія климатичнї, и совсѣмъ іншую вдачу ростинности. Но хотя и степь южно-американскій покрывае тонка верства земли урожайнї, хотя и его поперемѣнно ливнѣ напаиваютъ водою, отъ чого бнъ и вкрывается буйною травою; все таки сомежныхъ народовъ не змѣгъ бнъ захотити, щобы краснї полонины въ Каракасъ, околицѣ поморскіи и порѣчье Оринока опустили та блукали по той голопущѣ безъ деревини и безъ жерель. Тому тои поселенцѣ, що тамъ зъ Европы и Африка прибули, застали на цѣломъ великому обширѣ, майже крайне безлюдье.

Справдѣ Льяносы придатнї до хова скотини; але хованье звѣрятъ молоко даючихъ, було першимъ жителямъ нового суходола майже незвѣстне. Ледво котре зъ племенъ американскихъ умѣло хѣновати изъ даровъ, якими ихъ природа и въ тѣмъ взглядѣ щедро надѣлила.

Раса американска (тая самая отъ 65° сѣвери. ажъ до 55° южн. широкости, винявши Ескимовъ) жіючая зъ ловли звѣрять, не переходила до управы роли черезъ стѣпень житья пастушого. Двѣ отмѣны краевого вола пасутся по правныхъ болоняхъ Канады западной, въ Квивора и докола великансихъ розвалинъ города Азтековъ, который мокъ Пальмира американскія одинокій возносится на середѣ голопущи надъ рѣкою гиля. Довгорогій муфленъ, подобный до бвцѣ горскон, уважанои первородомъ.

нашихъ домашнихъ овецъ, буяе по голыхъ вапнистыхъ скеляхъ въ Калифорніи. На южномъ побоствѣ выводятся именно вѣуины, гуанаки, альпаки и ламы. Но межи тими пожиточными звѣрятами лише первіи заховали свою природну вѣльность черезъ двадцать вѣкъ. Споживанье молока и сира, яко и посѣданье и управа мучныхъ ростинъ травистыхъ, суть то самѣй значнѣйшии зна-мена межи народами старого и нового свѣта.

Якъ-же гдекоторѣ зъ тыхъ поколѣній достались черезъ сѣверну Азію на западне побережье Америки, а привыкли до студени, пойшли дальше на югъ у сторону, где тягнутся высокохребетній Анды — такъ путь сей мавъ отбутися дорогами, на которыхъ ни череды ни дары Цереры не могли товаришити новымъ пришелъцямъ. Може бути, что по паденю долгъ встрясеного государства Гонгну, походъ того могучаго племени такожъ на сѣверовостоцѣ Хины и Кореи стався понукою до путеходовъ, въ которыхъ цивилизований Азіаты достались на суходоль нового свѣта. Були тѣи прішельцы степовниками, не управляющими поле въ своей отчинѣ, то смѣле се предположеніе, порѣвнаньемъ языковъ доси еще не много поперте, пояснило бы по крайней мѣрѣ той въ очи впадающей недостатокъ властивыхъ ростинъ збожевыхъ въ Америцѣ. А може бурѣ морскіи загнали якіи зъ азійскихъ осадъ священническихъ зъ Азіи до береговъ Нової Калифорніи, которыхъ мистичній фантазіи споводовали пускатися въ далекій путь на море, а о которыхъ згаду исторія заселенія Японіи за часобъ династіи Чинши-гуангъ-тѣй.

Оттакъ, понеже первіи народы Америки не знали житъя пастушаго, сей благодатной седенной культуры, котра бурлачіи орды ловцовъ пріковуе до почвы травою поросшои, то може смѣло сказать, что власне тата ихъ несвѣдомость була причиною безлюдья степовъ американскихъ. За тое розвинулися тѣмъ свободнѣйше силы природы у всѣлякихъ видахъ звѣрячихъ, не будучи перепиненіи въ своеемъ дѣланью ничимъ, хиба лише собою, подобно якъ житъе ростинне, въ лѣсахъ надъ рѣкою Оринокъ, где Гименеамъ и тов-стопеннымъ лаврамъ николи не загражае розорющая рука чоловѣка, но напоръ буйновіючи ся ростинъ паразитныхъ. Найрѣжнѣйшии виды звѣрячіи снуются по сей рѣвнинѣ бездеревнѣй. Тутъ буяютъ аргуты и малыи армелисты оленѣ; тамъ армадилѣ якъ щурѣ выполошуютъ заяца изъ подземной его норы; тутъ копишатся череды новольныхъ хиридовъ; тамъ громадка красно пасемистыхъ вѣверъ завонюе воздухъ; дальше показуется великий, безгривый левъ; тамъ знова чигае пестроплямый ягуаръ (звычайно тигромъ именованый) на молодого

быка, котрого самъ одинъ успѣе задавити и на горбокъ выволочи.

Тая обширная рѣвнина, маже лишь на жилище звѣрятъ придатная, не могла бъ принудити до себе жаднои изъ ордъ бурлачихъ, — котрый и такъ (по звѣчу азійско-индійскому) лѣпше люблять кормъ изъ ростинъ, якъ изъ звѣрять — коли-бъ тутъ и тамъ не росли пальмы вахлароватѣ (Mauritia). Примѣты сего благодатного дерева сливатъ далеко. Живитъ оно самое народъ Гуаравнѣвъ, доси еще не покореный Европейцами, що проживае надъ устьемъ рѣки Ориноко, на сѣверѣ Sierra de Iwataca. Якъ еще було бѣльше Гуаравнѣвъ, а ихъ громады численнѣйши, то побольшали они свои хаты въ той способѣ, що ставляли изъ стовпѣвъ обтѣтыхъ деревъ пальмовыхъ поверхъ, котрому давали подлогу тафлевату; также розпинаяли они — якъ вѣсть несе — дуже искусно отъ пня до пня, килимы изъ корѣнцѣвъ листья мавриціи уткані, щобы подъ часъ поры дощевои, коли дельта подъ водою, мовь малыи проживати на деревахъ.

Тѣ висячіи хаты накрывано почасти глиною. На воехѣ ихъ подлозѣ розкладали жѣнки огонь для потребъ домашнихъ. Плывицій тамтуда рѣкою по-ночи видѣвъ рядами огнѣ, отдаленій отъ земли, бьючіи пламенемъ высоко въ воздухѣ. Гуаравны еще теперь за удержанье физичной, а може и моральной своеи независимости завдячаютъ грузкому, полутечному грунтови, на которомъ справно умѣютъ бѣгати, и тому промешкиваютъ на деревахъ републики высокони, до котрои певно стовпоклонника (Стилита) американского не приманить религійное вдохновеніе.

Але не лише безопаснѣе жилище дае Мавриція; достачае она такожъ и стравъ поживныхъ. Поки еще пальма пола мужеского выброшить нѣжною похвицею цвѣточною, и то лише въ той добѣ еи метаморфосы, мае стрижѣніе пня въ собѣ богато муки саговцевои, которую, подобно якъ муку зъ корѣнья атрофы сушатъ въ тонкихъ до букатъ хлѣба подобныхъ тарѣльцахъ. Изъ соковъ сего дерева роблять Гуаравны солодкое вино пальмовое. Овочи его, узкою лушпою вкрытыи а на червонявишишки ялиць похожіи, достачають якъ бананы и маже всѣ другіи плоды тепловицины, всякои поживы, якъ до того, чи ихъ споживати ажъ по совершеннѣмъ розвитию первицѣ цукровои, чи ранніе, коли еще суть мучистій. Такъ то бытъ цѣлого племени, на найнизшомъ степени духоваго розвития стоящаго, зависить маже отъ одного лише дерева пальмового, подобно якъ комаха обмеженая на поодинокіи части цвѣта.

(Д. б.)

ДЕМОНЪ.

Демонъ сердце ми морочить,
А демона того сила
Кровь зъ подъ-сердца пье и точить,
И спиняе духа крила.

Онъ со мною днюе днину,
Онъ на мене о-пѣвночи,
Въ кожду хвилю и годину,
Завертае лячно очи.

Чи не кине мя?—Могила
Свѣтъ души, душа зима ...
Се демона мого сила,
А демономъ знай: бѣда!

Орестъ А.

ДУМКА.

(Зъ татарскихъ часбвъ).

Взяли долю-волю й миръ,
А со ними славу взяли!
Пойшли наші до гбръ,
И скалица заорали —
О скалица — краю нашъ!

На скалица що дѣвчатъ
Прилягло и що соколѣвъ!
Взявъ дѣвчату Татаръ-катъ,
А соколы гинутъ въ поли —
О погибель — краю нашъ!

И. Х.

ФЕЛЕТОНЪ.

Чешская литература.

(1774—1848)

(Дальше)

Подъ сихъ простонародныхъ писателей находится другой рядъ людей, которыи, будучи одареній духомъ по-знанья, слѣдуютъ дѣяньямъ, старинной бесѣдѣ, народной литературѣ, но не все передаютъ наслѣдки своихъ студій на чешскомъ языцѣ. То були: Фаустинъ Прохажка, Дурихъ, Пельцель, Добровскій. Желающи высшіи сферы склонити на сторону народа, они конечно не могли писати языккомъ чешскимъ иными погордженіями, и писали то по нѣмецки, то по латини, хотя всѣ изнанчи Добровскаго, горячо любили свой языкъ. Дурихъ и Добровскій извѣстны не однѣмъ только Чехамъ. Избравши за предметъ своихъ студій всѣ славянскіи нарѣчья, они запалили свѣтло въ темной доси области филологии, свѣтло отрадне и прочимъ народамъ славянскимъ, — и тому заслужили имя основателей славянской филологии, которая отъ-тогдѣ только хорошихъ плодовъ принесла на всѣхъ краяхъ широкого славянского мира! Еще больший хосенъ въ той епосѣ принесли послѣдній два писателѣ: Прохажка и Пельцель. Отличнымъ изданьемъ католической библіи розширилъ Прохажка значно хороший языкъ межи чешскимъ клиромъ, которое стало головною опорою словесности. По истинѣ есть то важкимъ явленіемъ, что катол. духовенство, прославившое всѣма силами чешскую литературу майже до второи половины минувшаго столѣтія, перешло теперь до горячихъ еи поборниковъ. И легко объяснити такій оборотъ. Духовенство переслѣдовало въ литературѣ чешской тотъ духъ ереси, который отъ Гуса водивъ первомъ знаменитыхъ писателей чешскихъ. Духъ той уже неживъ, творенья тои епохи большою частью загибли въ огни, або такъ запрятаны, що ніякъ не могли быти небезпечными; отже нема повода къ враждѣ и гоненю. Зъ другои стороны було много причинъ къ приклонности духовенства къ той-самой словесности. Не менше якъ Прохажка прислужився Пельцель. Сердечно студіючи исторію Чехѣвъ, онъ хотя писавъ свои творенья большою частью по нѣмецки, не менше однакожъ подмагавъ развитье чувства народного, понеже писавъ онъ далеко свободнѣйше, якъ за владѣнія езуитовъ. Кромѣ того начавъ Пельцель издавати на чешскомъ языцѣ „хронику чешскую“ далеко обширнѣйше якъ по нѣмецки, и довѣръ ю лишь до 1378 г. Пельцелю судилося и живымъ словомъ дѣлати для успѣховъ чешского языка: ему була поручена катедра чешского языка, основаная въ Празѣ Лео-

польдомъ II-мъ, къ несказаной радости чешского сойма. Гордая безопасность Нѣмцѣвъ подъ Иосифомъ II. пробудила и въ чешскомъ дворянствѣ послѣдній останки народного духа и оно само приняло подъ его, наследникомъ языкъ батькѣвъ своихъ. Ревный початки тыхъ писателей не лишилия безъ вліяній на чешкую молодѣжъ; слова досвѣда, слова мужей, розналии молодыхъ, и — зазвучала поезія новочешская. — Немного молодыхъ людей образовавшияся въ Празѣ утворили общество и издали въ 1795 г. першій выпускъ своихъ стихотвореній. Головою общества бувъ Пухмаеръ, душа сихъ друговъ поезіи, изъ которыхъ достойнѣй згадки: Гнѣвковскій и оба Нѣдли. Молодыи поеты, хотя образованій на чужій ладъ, особенно нѣмецкій и французскій, но разбудженій любовью до родного, заспѣвали звучнѣйше и складнѣйше якъ передже. Отъ 15-го столѣтія Чехи видѣли только простыхъ ритмачей, и ось теперь знова являются поеты съ глубиною чувства, поеты съ любовью къ родинѣ, къ народу и языку своему, и ихъ гармоническіе звуки отзываются въ сердцахъ молодцовъ, правда немногихъ, но за то горячихъ! Конечно, добрая охота большою части сихъ молодыхъ поетовъ далеко переходитъ ихъ творенья: народный епопея В. Нѣдля — „Вячеславъ“, „Вратиславъ“, „Оттокаръ“, „Карль IV“ично иное, якъ ритмованій хроники, — та не лучше и Гнѣвковскаго — „Дѣвина и Яромиръ“, но симъ не менше всѣ они подмагали разбудженіе народного духа, еще дрѣмавшаго во многихъ сердцахъ. Но межи ними була душа по истинѣ велика — Ярославъ Пухмаеръ, одинъ изъ лучшихъ чешескихъ поетовъ. Одна его „ода на Яна Жижку зъ Троцнова“ могла бы доставити ему честное мѣстце въ литеатурѣ.

Скоро выступивъ на поприще литературы писатель, которога дѣланье продовжалось до нашихъ дней, Иосифъ Юнгманъ. Онъ не бувъ одаренъ большимъ поэтическимъ талантомъ, но его начинанья не остались безъ важныхъ наслѣдковъ и въ самой поезіи: Юнгманъ — першій замѣтательный переводчикъ въ чешской литературѣ. Его переводы Мильтоноваго „Постраданого Рая“, Геттоваго „Германа и Доротеи“ и окремыхъ стихотвореній Попа и Шиллера, отличаются не только вѣрностью, но и такимъ высокимъ языккомъ, который ледва чи коли передъ симъ чули Чехи. Тыми переводами Юнгманъ оказалъ точно такую же услугу чешской литературѣ, якую Фоссъ нѣмецкій: онъ здѣлавъ дѣя стихотворной рѣчи далеко больше, нежели вся школа Пухмаера, съ которою онъ живѣ въ дружбѣ, но въ литературномъ непорозумѣнью. Се непорозумѣнѣе изходило отъ различныхъ поглядѣвъ на чешкое стихосложеніе. Юнгманъ а съ нимъ Стахъ и другіи закинули размѣръ клясической, греческій и римскій, и завели стихосложение силябическое, основаное только на числѣ слоговъ;

они довжні були вступити въ споръ съ школою Пухмаера, принимавшого тоническое стихосложение, основанное на ударенью. Такъ якъ размѣръ клясицизма не во вкусѣ нынѣшнаго свѣта, и такъ якъ ударение въ чешскомъ языцѣ приковано къ опредѣленому мѣстцу, то неможъ отвергати, що начинанья Юнгмана имѣли прекрасныи наслѣдки; онъ находитъ ударъ однообразной ритмованой рѣчи, якая встрѣчается у бездарныхъ послѣдователей школы Пухмаера, и придавъ стихотворному языку рознообразіе и выразительность. Споръ о ударенію и довготѣ слоговъ не бувъ рѣшенъ наконечнѣ тѣми, которыми его начали; но еще познѣйше, въ 1818 г., бывъ подавъ случай къ жестокой полемицѣ межи обома сторонами. Въ томъ г. издано въ Пресбурзѣ безъимменное сочиненіе, которое приписано Шафарику и Палацкому, подъ названіемъ: „Начала чешской поэтики, въ особенности просодії“ (*Pocatkové ceského básnictví, Zvláste prosodie*). Остро и умно опровергающи защитниковъ ударенія, тая розправа всѣми силами закидала довготу слоговъ. Школа Пухмаера, противъ которой та брошуро була направлена, отвѣтила за два лѣтъ не мене остроумнымъ сочиненіемъ: „Отрывки о чешскомъ стихотворствѣ“, Гнѣвковскаго. Результатъ той полемики замѣчателенъ: сочиненіе Шафарика и Палацкаго, написаное основнѣйше якъ Гнѣвковскаго, имѣло огромный успѣхъ. Но крѣпкая твердость ударенія ничего не терпѣла на поприщи стихотворства; всѣ большіи поеты руководилися удареніемъ, а не довготою. Такъ и тутъ дѣйстность побѣджає всѣ творенія фантазій, хотя бы они були подъ защитою самыхъ остроумныхъ людей. Литературное дѣланье Юнгмана не ограничивалось одними переводами: зъ самаго начала нынѣшнаго столѣття до своеи смерти онъ принимавъ горячую участъ во всѣмъ, що дѣжалося въ хосепѣ чешской литературы. Онъ бувъ совѣтникомъ, помочникомъ и другомъ всѣхъ, трудившихся надъ обдѣланьемъ молодого поля питомои словесности. Его усердность въ возбужденію недѣлающихъ, страсть къ наученю неопытныхъ, справдѣ задивляютъ; но еще больше неутомимость, съ якою бывъ трудився надъ своимъ гигантскимъ чешскимъ словаремъ, содержащимъ въ себѣ все богатство языка того періода. Литература чешская мае здѣбѣйшихъ писателей якъ Йосифъ Юнгманъ; но нема никого, що бы перейшовъ почтенного автора „Словаря чешскаго“ въ горячай сердечности и въ самозабутью при своихъ занятыхъ.

Новая сила изѣйшла въ чешскую поезію, коли въ 1817 г. найдена була Кралеворская рукопись. Тогда открыся, доти невѣдомый, свѣтъ поезіи: тая оригинална простота, тая свѣжість и сила, которая явилася въ немъ, була предметомъ загальнаго удивленія. Тутъ найденъ языкъ поетической, съ которыми ничо не могло рѣвнятися въ чешской литературѣ. Отъ-тогдѣ начинается новая жизнь; молодцѣ, пораженій такою красою, заспѣвали звучнѣйше, народнѣйше, якъ доси. Около 1820 г. явилося разомъ нѣсколько здѣбѣйшихъ поетовъ, которыхъ головою були Коляръ и Челяковскій, — два сіяючіи имена во всей чешской литературѣ. Бѣдное состояніе народа славянскаго въ Чехіи, Моравіи и Угріи, рано омрачило сердце Коляра, а довгое пребуванье въ Германіи, въ мѣстцахъ колись славянскихъ, но въ ту пору совершенно знѣмченыхъ, розбудило въ душѣ молодого поета сумъ и гнѣвъ. Вертаючись въ родину, поеть довѣдався, що горячо нимъ любимая Мина умерла, тогдѣ слезы надъ гробомъ Славянства сливаются съ слезами о утратѣ Мини, и горе поета обгортае все сердце читателя.

БОЯНЪ выходить кожного 1., 8., 15., и 22. велиkimъ листомъ. — Пренумерата: на годъ: 5 зол. А. В., на поль года: 2 зол. 50 кр., на чверть года: 1 зол. 40 кр. — Гроши передпл. адресуются до пчт. Редакції Слова, ч. 144 м. або до Администрації Бояна, ч. 193 м. — Матеріалы присылаются п адресою: Володимиръ Я. Стебельскій, ч. 145 м.

Тая двойность горкихъ чувствъ творить предметъ Slávy дсегу. Неможъ заперечити, що строфы, въ которыхъ оспѣвается Мина, загаломъ далеко болѣе удачнѣ и природнѣ, якъ тѣ, въ которыхъ говорится о народахъ славянскихъ: першій — выраженіе сильного, оригинального юного чувства; другій — по большой части, плоды позднѣйшаго размышленія. Не смотря на тое, Slávy дсега произвела огромное вліяніе своимъ славянскимъ духомъ. Slávy дсега о много болѣе отъ всѣхъ твореній нашего вѣка здѣлала для скрѣпленья и розширенія славянскаго самосознанья. Поеть досягъ все, що было близкое сердцю народа, и голосицъ славянскую идею. Всѧ прочая жизнь Коляра есть только коментарь Slávy дсегу: постоянно онъ старается пробудити дрѣмающій духъ народа, оживляє его и прославляє всякий успѣхъ въ народнѣй дѣлѣ! Изъ прочихъ трудовъ его уважаемъ только на Kázne (Слова духовныи), — твореніе отличающее великою силу слова особенно тамъ, где рѣчи иде о народѣ и о отчизнѣ. О филологическихъ сочиненіяхъ Коляра лучше замовчати, понеже въ нихъ бѣльше выдумокъ фантазій, якъ студій даже самыхъ поверхностныхъ. Своимъ послѣднімъ твореніемъ: Staroitalia slovjan-ska онъ находитъ великій ущербъ славѣ своего имени.

Разомъ съ симъ, загально-славянскимъ, спѣвакомъ стоить поеть исклучно чешскій. Въ самои ранніи младости, Фр. Вл. Челаковскій собирая народныи чешскіи пѣсни, потомъ издавъ пѣсни другихъ Славянъ. Головнѣйшимъ предметомъ его поетическихъ твореній были пѣсни народныи, а головною журбою рѣвнятися во вѣнѣніи отношенію съ ихъ простымъ говоромъ. Ohlas písni ruskych и Ohlas písni ceských, принадлежать къ важнѣйшимъ плодамъ чешской поезіи. И дѣйстно, ему удалось достигнуть природной высоты однихъ, и игривости, вѣжности и пріятной шутливости другихъ. Тоє чудное умѣніе уловити духа народнои поезіи не составляє единого луча поетической славы Челаковскаго; загаломъ въ его стихотвореніяхъ, особенно въ стolistной рожѣ, многое относится къ вышої сфере фантазіи; но и тутъ поеть остается вѣренъ дѣйстности.

Рѣвняючи Челаковскаго съ Коларомъ, видимо въ Челаковскому всемогучого чародѣя, который добувае изъ лиры своеи всяки звуки, самовластно волнующій сердце кожного слушателя; но самъ спѣвакъ тайно радуется, смотрячи на дѣло, зведеное его пѣснею; Коларъ напротивъ играє все одну и тую-же пѣсню въ безчисленныхъ вариаціяхъ, но все такъ горячо съ такою внутренною участью, що его сердце еще глубше якъ сердце слушателя троняется. (Д. 6.)

При розписанью передплаты на першій томикъ моего перевода діалоговъ Платона заповѣвъ я, що слѣдовати будуть и прочіи его философ. творенія въ малорусскомъ перевodѣ. Теперь рѣшився я, издати другую часть, обнимающую діалогъ: Протагорасъ, безперечно найлучшое сочиненіе Платона. При переводѣ руковожуся въ великой части увагами знатоковъ нашого языка.

Любителъ русской словесности изволять передплату (50 цент.) надсылати найдальше до 1. л. Листопада 1867, и адресовать письма до пчт. Редакції Слова, ч. 144 м. або до издателя, во Львовѣ.

Омелянъ Гороцкій

учит. гимназ.